

überhaupt selbständiger. Er verweist auf Zustände in Finnland und teilweise sogar auf eigene Erlebnisse. Obwohl M. Agricola manchmal in der sprachlichen Gestaltung über die Erkenntnisse der Realität hinausgeht sind in die Forschung trotzdem wertvolle Angaben zu Götzen, angebauten Ge-

wächsen und Naturbeständen eingegangen.

Die Dissertation von I. Fredriksson bringt neue Momente im Sprachgebrauch von M. Agricola hervor und ist somit eine wichtige Ergänzung zur Erforschung der Geschichte der finnischen Schriftsprache.

PAUL ALVRE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1987.2.15>

Саамско-русский словарь. Под редакцией Р. Д. Куруч, Москва, «Русский язык», 1985. 567 с.; Г. М. Керт, Словарь саамско-русский и русско-саамский. Пособие для учащихся начальной школы, Ленинград, «Просвещение», 1986. 247 с.

Самый новый саамский литературный язык — кольско-саамский с кильдинском диалектом в основе за короткое время обогатился двумя словарями. Они несомненно будут способствовать развитию кольско-саамского литературного языка. В Скандинавских странах саамские литературные языки имеют давние традиции: в Швеции первая саамская азбука увидела свет в 1638 г., в Норвегии — в 1767—1768 гг., в Финляндии — в 1859 г. (см. J. Qvigstad, K. B. Wiklund, Bibliographie der lappischen Litteratur, Helsingfors 1899 (MSFOu XIII), с. 16, 80, 130). И в России первая саамская азбука К. П. Щеколдина появилась в прошлом столетии (в 1895 г., на диалекте Паатсйоки; см. там же, с. 133—134), но издания саамской литературы тогда не последовало. Создание письменности началось в 1933 г., однако просуществовала она лишь до 1937 г. Работа возобновилась в 1976 г. В 1982 г. в Ленинграде издана азбука А. Антоновой «Самь букварь», а теперь появились и два словаря. «Саамско-русский словарь» (далее: СРС) — это не первый словарь кольско-саамского языка. Еще в 1891 г. в Хельсинки опубликован словарь кольско-саамских диалектов А. Генетца объемом свыше 300 страниц (A. Genetz, Kuollan Lapin murteiden sanakirja unnä kielenäyhteitä) (см. там же, с. 150), а также в 1958 г. в Хельсинки двухтомный (свыше 1200 с.) «Koltan-ja Kuolanlapin sanakirja» Т. И. Итконена (далее: KKS); оба содержат и много лексики кильдинского диалекта. Однако значение СРС, помимо развития новой письменности, безусловно состоит и в том, что

он представляет собой первый словарь только кильдинского диалекта.

Словарь включает предисловие (с. 5—11), список использованной литературы (с. 11), комментарий к построению словаря (с. 12—15), список сокращений (с. 15), саамский алфавит (с. 16), словарную часть (с. 17—433), индекс саамских слов на латинском шрифте (с. 434—528) и краткий грамматический очерк (с. 529—567). Составители словаря — Н. Афанасьева, Р. Куруч, Е. Мечкина, А. Антонова, Л. Яковлев и Б. Глухов.

Словарь хорошо оформлен и в целом составлен и отредактирован тщательно. Подбор лексики можно признать удачным, поскольку не ощущается переизбытка русских заимствований — такая опасность имеется в отношении языков, носители которых двуязычны. В словарь включены главным образом необходимые в школьном обучении русские слова, большинство их фонетически и морфологически приспособилось к саамскому языку (напр., *аэропорт*, *инженер*). Встречаются все же такие формы, как *империализм* (с. 91), которая отнесена ко II склонению, хотя и отсутствует свойственное этому склонению чередование степеней согласных (см. с. 540—541). Не несут собой информации и такие заглавные слова, как *буржуазия*, *делегация* (с. 31, 76) и т. п.

Материал в СРС имеет гнездовое положение: в более чем 1800 гнездах помещено всего примерно 8000 слов. Само по себе подобное построение не вызывает возражений, тот же принцип использован и в словаре Т. И. Итконена, где оправда-

нием ему служит и привлечение лексики нескольких разных диалектов. В СРС гнезда слов пронумерованы отдельно по каждой букве алфавита. Заглавное слово напечатано красными заглавными буквами, остальные слова, входящие в гнездо, — в разрядку, в то же время они представлены и на своем месте по алфавиту, где выделены красным и снабжены ссылкой на гнездо, к которому относятся.

Слова сгруппированы по гнездам правильно, можно отметить лишь некоторые недочеты, например, *коанньтэ** 'дикий олень' и *коанньтэ** 'убить' (с. 117—118), *вуэльк* 'плечо', *вуэльктэ* 'бросить' и *вуэлькесь* 'правый' (с. 61—62) помещены в одно гнездо. Здесь налицо лишь случайные звуковые совпадения (см. также KKS, с. 138, 139 и 770, 784). В гнезде *а́ннэ* 'просить' приведено и *а́ньсэ** 'отнять, захватить' (ср. фин. *anastaa* 'захватить', см. KKS, с. 13). Если уже *ньмынь* 'второй' отнесено к гнезду *күйт* 'два', то *туммла* 'дальше' (с. 362) обязательно должно быть в гнезде *тудт* 'тот' (с. 359—360, см. KKS, с. 622—623). В разных гнездах слов представлены также *элл* 'высокий', *эл* 'на' (с. 422—423) и *а́льн* 'на, над' (с. 25, см. KKS, с. 315—317), *түкень** 'за' (с. 359) и *туэгка* 'за' (с. 363, см. KKS, с. 615), *сыз* 'вовнутрь' (с. 335) и *сыссень** 'внутри' (с. 337, см. KKS, с. 499—500) и некоторые другие однокоренные послелогия и наречия, а также местоимения. Заглавное слово *вүльгесь* 'низкий' (с. 56) — это явное производное, как и *пуэррнэ* 'хорошеть' (с. 274), в этом гнезде слов выпущено *пүррь* 'добро' (с. 272, см. также KKS, с. 409). Вводит в заблуждение тот факт, что вместо *ёлле* 'жить' заглавным словом сделано его производное *я́л* 'жизнь' (с. 432), ср., например, эст. *ela-* 'жить' и *eli* 'жизнь'. Апокопа затруднила здесь распознавание отношений словообразования, но то что основой деривации является именно *ёлле*, а не *я́л*, подтверждает, кроме отмеченного выше, и то обстоятельство, что в первом представлены все возможные чередования гласных (*ёлле*, *я́ла* 'живу', *йле* 'жил'), в производных же гласный при словоизменении не чередуется, как, например, в словах *я́л*, *ёллей* 'жи-

тель', *йллэ* 'житья' (см. также KKS, с. 59—60).

Хотя работа отредактирована добросовестно, а авторы хорошо продумали структуру словаря, у рецензента есть некоторые замечания и предложения. В отдельных случаях в иллюстративных предложениях встречаются словоформы, имеющие соответствующего заглавного слова, например, на с. 102 *кәрньэсь кәррнэсэ чальм зый нуэжк* 'ворон ворону глаз не выклюет', но нет заглавного слова *нуэжкэ*; на с. 218 *ныдть* штэ/ шэдт/ ... са* 'так что/ так... что' (отсутствуют заглавные слова *штэ*, *шэдт*, *са*). В грамматическом очерке и в примере к гнезду *моадз* (с. 192) встречается *моаст* 'назад', но как заглавное слово оно не выделено. В словарной части все же должен присутствовать и отрицательный глагол, его личные формы приводятся в грамматическом очерке, но неопределенно-личной формы отрицания нет и там (форма настоящего времени встречается на с. 145 в примере *төн ёдть* кёдже* 'тебя не спрашивают'). Лишь в грамматическом очерке встречается *самэ* 'самый'. Номинатив множественного числа от местоимения *кү* 'котрый' в словарной части имеет форму *кõжк* (с. 126), а в грамматическом очерке *күжк* (с. 548).

Из-за гнездового построения СРС много места пришлось отвести под ссылки, например, в 1-м столбце на с. 150 только 26 рядов занимают ссылки и только 20 рядов содержат лексическую информацию. Такая крайность, естественно, не характерна для словаря в целом, но очень мало в нем и страниц совсем без ссылок. Из 417 страниц словаря ссылки занимают около 15%, или 60 страниц (в среднем 14 ссылок на страницу, судя по букве А). Хотя во введении подчеркивается необходимость принятой структуры, обусловленной чередованиями гласных как при словоизменении, так и при словообразовании (с. 10), представляется все же, что такое построение практически полностью не решает всех проблем, связанных с чередованиями гласных. Для того чтобы отыскать в словаре заглавное слово с чередующимися гласными по личным или падежным формам, нужно знать эти чередования или обратиться к грамматическому очерку. В словоизменительных же формах производных в большинстве своем че-

¹ Здесь и далее *ь* в словах со знаком * по техническим причинам обозначает полумягкость.

редования гласных и не происходит, для пользующегося же словарем не важно, чтобы производное обязательно помещалось рядом с производящей основой, он легко найдет производное по алфавиту. И хотя при гнездовой структуре ярче проступают закономерности словообразования в их неразрывной связи с семантикой (с. 10), этого недостаточно для оправдания такой структуры, словообразование во всей своей сложности нуждается все же в специальном исследовании, словарь его заменить не может. Однако разумеется, гнездовое построение словаря нельзя признать и полностью неверным и неоправданным. Но вот индекс на латинском шрифте излишен, он составлен и не в традиционной финно-угорской транскрипции, и не в транскрипции Г. Керта, а посему особой пользы в нем нет, занимает же он 95 страниц. В то же время, очевидно, именно из-за этого индекса пронумерованы гнезда слов, что потребовало от составителей и редакторов дополнительной работы и большой точности. Таким образом за счет сносок и индекса на латинском шрифте словарь можно было дополнить 3000 словами, т. е. было бы высвобождено 35% его нынешнего объема. О том, что следует продолжить публикацию лексики, не вошедшей в СРС, свидетельствуют словарь Г. Керта (см. ниже) и свыше 3500 гнезд слов в словаре Т. И. Итконена, содержащих кильдинский материал. Если предположить, что в словаре Т. И. Итконена, как и в СРС, гнездо содержит примерно 4,5 слова и на каждое гнездо приходится по крайней мере одно сложное слово (в СРС сложные слова почти отсутствуют, в ККС их очень много), то в нем должно быть около 19 000 слов кильдинского диалекта, т. е. более чем вдвое больше, чем в СРС.

В грамматическом очерке дается краткий обзор фонетики и морфологии кильдинского диалекта. В целом он достаточен и обстоятелен, хотя иногда при рассмотрении глагола слишком связан с грамматикой русского языка (с. 553—554 (вид), 555 (наклонение), 557—558 (будущее время)); можно было бы подробнее рассмотреть деривационные суффиксы. Отсутствует и более детальный обзор чередования ступеней согласных, который был бы весьма необходим (например, в словаре слабая ступень от *xht* получила двоя-

кое выражение : *эхт* : *эфт* (с. 425) и *лйхтэ* : *лйхтэ* (с. 160), ср. ККС, с. 29—30, 209). В очерке не упоминаются ни possessивные суффиксы, ни потенциалис.

Встречаются также некоторые неточности и непоследовательность. Остается неясным понятие «существительное общего числа» (с. 537—539). Этим понятием отмечаются слова, у которых именительный падеж множественного числа вследствие утраты признака множественного числа *k и апокопы совпал по форме с именительным (а вместе с ним также с родительным и винительным) единственного числа (см. с. 541—543), но ведь это не значит соединения единственного и множественного числа в некое общее число. Как явствует из приведенной на с. 541 парадигмы *пāлл* 'мяч, мячи' и из ее структуры (единственное и множественное число в разных столбцах), это слово (как и другие подобные слова т. н. общего числа) имеет и единственное, и множественное число, для различения их употребляются или разные падежные окончания или развившийся из гласного основы и признака множественного числа косвенных падежей *i показатель *э/е*, как в лишительном падеже, ср.

	ед. ч.	мн. ч.
Им.		<i>пāлл</i> о. ч. (= общее число)
Род.	<i>пāлл</i>	—
Вин.	<i>пāлл</i>	<i>пāллэть*</i>
Местн.	<i>пāллэсьт</i>	<i>пāллэнь*</i>
Дат.-напр.	<i>поаллэ</i>	<i>пāллэть*</i>
Лишит.	<i>пāллха</i>	<i>пāллэха</i>
	и т. д.	

Утверждается, что в III спряжении в 3-м лице единственного числа присоединяется признак *-т*. Однако уже несколькими строками ниже на примере типового слова *āвтлэ* выясняется, что это происходит не всегда (с. 562). На с. 545 сказано, что форма родительного падежа множественного числа существует, в парадигмах же на месте этих форм — прочерк. Генитив множественного числа в иллюстративных предложениях словаря все же встречается, например, *соанэ руэлк* 'запас слов' (с. 315). Как показатель причастия прошедшего времени приводится лишь *-ма*, но на с. 60, например, встречается показатель *-нч* (*эгк вуайенч* '(ты) не смог'). Анализ чередования гласных в ча-

сти глаголов более обстоятелен, чем в части существительных, но и он недостаточен. Под *аллькэ* на с. 24 встречается и чередование *a* : $\bar{a}$, грамматический же очерк дает только чередование *a* : *э*; относительно *уз* как чередующиеся гласные указаны *ya* и *y* (с. 565), под заглавным словом *пуэдтэ* в гнезде слова даны и формы с $\bar{o}$ — *пóдтлассэтэ* 'побывать' и *пóдтлэ* 'прибывать' (с. 273). Как случаи, в которых чередования гласных в том или ином типе возможны, перечислены формы 1-го, 2-го, 3-го лица единственного числа настоящего времени, все формы прошедшего времени (с. 563—565), но в иллюстративных предложениях словаря чередование наблюдается и во 2-м лице множественного числа повелительного наклонения, и в причастии прошедшего времени: *кáдже сóн* 'расспросите его' (инфинитив *кэдже*) (с. 145), *кочнаэдтэ* 'собирайтесь' (инфинитив *кочнэдтэ*) (с. 124), *эк соаррнма* '(ты) не говорил' (инфинитив *сáррнэ*) (с. 558—559), *эк вуайенч* '(ты) не смог' (инфинитив *вуэйе*) (с. 60).

Приведенные замечания никак не умаляют практического и научного значения и ценности СРС как первого словаря кильдинского диалекта и нового литературного языка.

Саамско-русская часть «Словаря саамско-русского и русско-саамского» Г. Керта занимает 105 страниц, русско-саамская часть — 120 страниц. Уже при первом знакомстве со словарем бросается в глаза отсутствие в саамско-русской части некоторых слов, присутствующих в русско-саамской, и наоборот, например, *кáнньпура**, *кáна*, *кáнэч* 'цыпленок', *лáмпесьáлка*, *лáммсэчч* 'ягненок', *балэ едтмуши* 'шутка', *эмьнепáлл* 'земной шар', *могила* 'кáллм'. Однако, очевидно, полное совпадение двух частей и не ставилось целью. Словарь предназначен для использования в школьном обучении и составлен на основе учебной литературы.

Хотя работа Г. Керта по объему (число страниц) в 4 раза меньше СРС, она содержит множество слов, отсутствующих в последнем, может создаться даже впечатление дополнительного к СРС тома. Г. Керт приводит довольно много сложных слов, но как показывает сопоставление словарей, различие в их лексике обус-

ловлено главным образом не этим. Рецензент сопоставил саамско-русскую лексику Г. Керта и лексику СРС в части букв А и К. У Г. Керта 119 слов на А, 336 слов на К. Из них отсутствуют в СРС соответственно 48 и 103 слова, 13 и 9 из которых сложные, 22 и 32 — производные от имеющихся в СРС основ, тем самым полностью отсутствуют в СРС 13 и 62 слова. Среди оставшихся 71 слова на А и 233 слов на К различаются по написанию 23 и 60 слов, в большей или меньшей мере различаются по значению 6 и 20 слов, по морфологическому типу — по одному слову на букву. Таким образом, по букве А саамско-русской части словаря Г. Керта из 119 слов полностью совпадает со словами на А в СРС только 41 слово, в отношении К — из 336 слов 152. Учитывая вероятность примерно таких пропорций и по другим буквам, можно предположить наличие в саамско-русском словаре Г. Керта 800—1000 слов, которых нет в СРС, а кроме того, более 600 слов, которые отличаются от таковых же в СРС по написанию или еще какими-либо признакам. Полностью совпадающих слов в обеих работах, очевидно, около 1100, т. е. несколько больше трети лексики саамско-русской части словаря Г. Керта. Естественно, что в значительно большем по объему СРС примерно 6000 слов, которых нет в словаре Г. Керта, в том числе существенной лексики.

Как уже отмечено, между двумя словарями есть различия в орфографии. Кроме иных (в СРС долгий гласный или согласный вместо краткого в словаре Г. Керта либо наоборот, в СРС палатализация, у Г. Керта нет или наоборот), встречаются и принципиальные различия. В СРС преаспирация отмечается с помощью *h*, в словаре Г. Керта преаспирация и *х* совпадают. Следует их все же различать. Преаспирация перед смычными, аффрикатами, а также перед *s* и $\bar{z}$ в обоих словарях передается с помощью т. н. глухих сонантов, что затрудняет орфографию с точки зрения техники печати. И в таких случаях целесообразно было бы использовать *h* (азбука и словарь Г. Керта в одном случае как раз демонстрируют, что без глухих сонантов вполне можно обойтись, а именно в них вместо обозначения глухого сонанта *j* (в СРС) + смычный и т. д. — *йхк*, *йхн* и

т. д., почему же тогда и не *лхк, мхк, нхк, рхк* и т. п., а еще лучше, конечно, *йхк, лйк, мйк, нйк, рйк* и т. п.). Отдельные глухие сонанты, которые встречаются в основном в ономатопоэтических и дескриптивных словах, тоже можно передавать, используя *h* (или просто с помощью *л, м, н, р*). Это позволило бы значительно упростить алфавит. Второе существенное отличие состоит в разном обозначении палатализации сочетаний согласных. Если по СРС, в большинстве случаев палатализован только первый член сочетания (например, *аллькэ* и др.), то в словаре Г. Керта часто отмечены палатализованными оба (все) члена сочетания (например, *алльке* и др.), что позволяют предполагать и проведенные до настоящего времени исследования. Есть разница и в передаче аффрикат.

В связи с орфографическими различиями двух словарей возникает вопрос, каким образом и для чего учащиеся начальных классов будут пользоваться и осваивать две орфографии. Если же они не должны этого делать и будут учиться только по азбуке и близкому к ней словарю Г. Керта, то кому предназначена тогда орфография СРС? Какой смысл иметь две орфографии для языка с таким малым количеством носителей? Во всяком случае — здесь налицо какое-то недоразумение

или несогласованность, что никак не способствует развитию кольско-саамского литературного языка. С точки зрения учащихся, в лучшем положении находится словарь Г. Керта, написанное в котором существенно не отличается от такового в азбуке. В то же время СРС издан раньше, он больше по объему и достаточно солиден, задача СРС — стать нормативной основой литературного языка (см. СРС, с. 11), поэтому, может быть, имело смысл и в предназначенном для школ словаре опираться на орфографию СРС. Тем более что и в школе СРС, очевидно, использовался в течение года, пока не появился словарь Г. Керта.

Однако в любом случае молодой литературный язык имеет два саамско-русских словаря, а также русско-саамский. Хотя пользование этими словарями в школьной работе из-за различий в орфографии затруднено, это не умаляет большого значения их для фиксации и изучения лексики кильдинского диалекта. Данные словари заложили прочную основу кольско-саамского литературного языка. Это не значит, конечно, что в интересах его дальнейшего развития не следует создать еще более крупный и исчерпывающий словарь.

ВЯИНО КЛАУС (Таллин)

З. В. Учаев, *Марий йылме, I часть, Йошкар-Ола 1982. 184 с.; II часть, Йошкар-Ола 1985. 183 с.*

Марийское книжное издательство выпустило в двух частях книгу З. В. Учаева «Марий йылме» — учебное пособие для учителей. Тем не менее ее можно считать научным исследованием. Это первое обстоятельное изложение морфологии марийского языка на родном языке, в котором для доказательства теоретических положений приводится богатый лингвистический материал. Оно, безусловно, опирается на предшествующие исследования по морфологии марийского языка, по существу представляя собой обобщенное

изложение достижений марийской лингвистики, но в нем отражена и лингвистическая концепция автора, изложены некоторые новые положения. На наш взгляд, З. В. Учаев предлагает вполне объективную классификацию причастий, подразделяя их на действительные с суффиксом *-ше/-шо/-шö*, страдательные с суффиксом *-ме/-мо/-мö*, отрицательные с суффиксом *-дыме/-дымо/-дымö* и на причастия будущего времени с показателем *-шаш* (с. 96—111). В «Современном марийском языке. Морфологии» (1961 г.) действи-